

всегда жалко, что такіа драгоцѣнныя, безкорыстныя, самоотверженныя силы тратятся такъ непроизводительно. Иногда мнѣ просто смѣнно смотрѣть на то, какъ люди, хорошіе, умные, тратятъ свои силы на то, чтобы бороться съ правительствомъ на почвѣ тѣхъ законовъ, которые пишетъ по своему произволу это самое правительство.

Дѣло, мнѣ кажется, въ слѣдующемъ:

Есть люди, къ которымъ мы принадлежимъ, которые знаютъ, что наше правительство очень дурно, и борются съ нимъ. Со времянь Радищева и Декабристовъ способъ борьбы употреблялось два: одинъ способъ — Стеньки Разина, Пугачева. Декабристовъ, революціонеровъ шестидесятихъ годовъ, дѣятелей 1-го Марта и другихъ; другой тотъ, который проповѣдуется и примѣняется вами, — способъ „постепеновцевъ“ — состоящій въ томъ, чтобы бороться на законной почвѣ, безъ насилія, отвоевывая по немногу себѣ права. Оба способа, не переставая, употребляются вотъ уже болѣе полустолѣтія на моей памяти, и положеніе становится все хуже и хуже; если положеніе и улучшается, то происходитъ это не благодаря той или другой изъ этихъ дѣятельностей, а не смотря на вредъ этихъ дѣятельностей (по другимъ причинамъ, о которыхъ я скажу послѣ), и та сила, противъ которой борются, становится все могущественнѣе, сильнѣе и наглѣе. Послѣдніе проблески самоуправленія: земство, судъ, комитеты грамотности и остальное — все упраздняется.

Теперь, когда прошло столько времени, что тщетно употребляются оба эти средства, можно, кажется, ясно видѣть, что ни то, ни другое средство не годится и почему. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, который всегда питалъ отвращеніе къ нашему правительству, но никогда не прибѣгалъ ни къ тому, ни къ другому способу борьбы съ нимъ, недостатки этихъ обоихъ средствъ очевидны.

Первое средство не годится потому, что, если бы даже и удалось пзмѣненіе существующаго порядка посредствомъ насилія, то ничто бы не ручалось за то, что установившійся новый порядокъ былъ бы проченъ, и что враги этого новаго порядка не восторжествовали бы при удачныхъ условіяхъ и при помощи того же насилія, какъ это много разъ бывало во Франціи и вездѣ, гдѣ бывали революціи. И потому новый, установленный насиліемъ, порядокъ венцей долженъ былъ бы непрестанно быть поддерживаемъ тѣмъ же насиліемъ, т. е. беззаконіемъ, и, вслѣдствіе этого, неизбежно и очень скоро испортился бы такъ же, какъ и тотъ, который онъ замѣнилъ. При неудачѣ же, какъ это всегда было у насъ, всѣ насилія революціонныя, отъ Пу-